

Возможность свободы

Н.Н. Толстых

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник психологического института Российской академии образования

Статья посвящена критическому анализу концепции формирования личности, разработанной Л.И. Божович. Процесс развития личности в онтогенезе рассматривается как последовательное нарастание степени внутренней свободы. Анализ работ Л.И. Божович позволяет автору статьи проследить логику развития ее представлений посредством фиксации трех разных (хотя и не противоречащих друг другу) ответов на вопрос: как возможна внутренняя свобода? Обсуждаются исследованные Л.И. Божович этапы развития личности в онтогенезе и механизмы этого развития.

Ключевые слова: развитие личности, кризисы развития, психологические новообразования, структура личности, направленность, воля, активность/реактивность поведения.

В 2008 г. исполнится 100 лет со дня рождения Лидии Ильиничны Божович и 40 лет со времени выхода в свет монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте» (1968). В этой книге впервые была предложена целостная концепция развивающейся личности, построенная на основе культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Впоследствии эта концепция была развита Л.И. Божович в цикле статей «Этапы формирования личности в онтогенезе», а также в ряде других работ.

Автору настоящей статьи выпало счастье более 10 последних лет жизни Л.И. Божович (она умерла летом 1981 г., так что это — семидесятые годы прошлого века) работать под ее руководством в возглавляемой ею лаборатории НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО). В этой статье хотелось бы поразмышлять о теории Л.И. Божович, как она видится мне сегодня. На мой взгляд, идеи Л.И. Божович, предложенные ею направления исследований в области психологии развития личности не устарели, не потеряли своей актуальности, теоретической и практической значимости и лишь ждут серьезных разработчиков. Растет интерес к теории Л.И. Божович и за рубежом, знаком чего является опубликование ряда ее статей в издаваемом в США «Журнале российской и восточноевропейской психологии»*.

Начну с общего представления Л.И. Божович о личности, с определения этого понятия, что необходимо сделать в силу его полисемантической в современном бытовом и научном словоупотреблении. В уже упомянутой монографии 1968 г. и в ряде последующих публикаций Л.И. Божович дает определения личности, которые, текстуально несколько

отличаясь друг от друга, неизменно содержат указание на то, что личность — это такой **уровень психического развития**, который позволяет человеку быть относительно независимым от влияния окружения, «делает его способным управлять своим поведением и деятельностью, а в известной мере и своим психическим развитием» [4, с. 4]. Иначе говоря, речь идет о таком уровне психического развития, который делает человека **внутренне свободным**, т. е. независимым и от внешних влияний, и от своих собственных страстей.

Считать или не считать человека принципиально способным на такую свободу — вопрос аксиоматики, исходных допущений. Л.И. Божович определенно отвечает на него положительно. Заметим, что такой подход к личности предельно ясно формулируется ею в те годы, когда личность в отечественной науке принято было понимать иначе — с акцентом на детерминацию ее «совокупностью всех общественных отношений». Например, в статье «Личность» для «Философской энциклопедии» (1964) А.В. Петровский дает такое определение: «Личность — человеческий индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, **детерминированный** конкретно-историческими условиями жизни общества. ... Предметом психологического изучения личности являются закономерности изменения, перестройки, развития индивидуального сознания **в результате** изменения общественно-исторических условий существования» (выделено нами. — Н.Т.).

Сегодня мало кого можно удивить представлением о личности как о внутренне свободном человеке — а как же еще? Но в 60–70-е гг. XX в. такой взгляд на личность в отечественной психологии, фи-

* Journal of Russian and East European Psychology. 2004. V. 42. № 4.

лософии (марксистско-ленинской) и шире — в общественном сознании — не был общепризнанным. Он был, однако, созвучен идеям представителей гуманистической психологии (сегодня-то они общеизвестны и почти «естественны»), философов-экзистенциалистов, многих писателей и мыслителей, размышлявших о человеке и его месте в мире.

Такой взгляд, повторимся, невыводим ни из какой психологической доктрины, включая культурно-историческую. Он именно аксиоматичен и выражает в данном случае то, чем лично для Л.И. Божович являлся человек как личность. Задача состояла в том, чтобы понять, как это **психологически возможно**. Для Л.И. Божович понять феномен внутренней свободы (как, впрочем, и любой другой психологический феномен) не как лозунг, не как идеологическую установку, а научно, психологически — значит, увидеть этот феномен на уровне психологических механизмов его возникновения и развития, доказав это путем эмпирического, в идеале — экспериментального изучения. В 1961 г. была издана книга «Вопросы психологии личности школьника», в которой, по сути, впервые в отечественной психологии был представлен цикл экспериментальных исследований в области психологии личности. По тем временам это было возмутительной наглостью, за что Л.И. Божович и сотрудники ее лаборатории неоднократно были жестко критикуемы в разных высоких инстанциях, включая Президиум Академии педагогических наук СССР.

Экспериментальное изучение личности проводилось Л.И. Божович и ее сотрудниками в течение более 30 лет. Предметами этих исследований были самые разные особенности личности, ее проявлений в поведении и общении: осознаваемая и неосознаваемая мотивация, направленность личности, конформизм, моральное развитие, идеалы, межличностные отношения и социометрия, самооценка и уровень притязаний, эмпатия, аффект неадекватности, смысловой барьер и многое другое.

В своей последней работе — докладе, подготовленном к конференции «Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология»* Лидия Ильинична, отдавая должное другим ученикам и последователям Л.С. Выготского (в их числе А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов и др.), прямо пишет, что лишь то направление, которое развивалось ею и коллективом ее лаборатории, продолжает исследования Л.С. Выготского «в их собственной логике, без выхода за рамки созданной им концепции». Другие исследователи, отталкиваясь от идей культурно-исторической теории, развивали, по мнению Л.И. Божович, лишь какую-либо одну из сторон этой концепции: идею о ведущей роли деятельности, представление о процессе интериоризации и его значении для психического развития ребенка, мысль о том, что обучение должно вести за со-

бой развитие и т.п., ломая общую архитектонику теории Л.С. Выготского.

Л.И. Божович, по ее собственной оценке, начала свои исследования в области психологии личности с той точки, на которой остановился Л.С. Выготский, — с признания проблемы личности, говоря его словами, «высшей для всей психологии», с понимания личности как «высшего синтеза». Она определила свою задачу весьма скромно: продолжить исследования Л.С. Выготского в его логике. Для этого необходимо было ответить на ряд вопросов: что же конкретно представляет собой этот «высший синтез»? В чем он проявляется? Как идет его формирование в онтогенезе?

О том, что в конце своей жизни Л.С. Выготский непосредственно подошел к проблеме личности, она пишет так: «Л.С. Выготский не создал законченного учения о личности, он умер слишком рано. Но подходы к созданию такого учения в его работах существуют. Весь последний этап его научных исканий был связан с разработкой проблемы аффекта и его «встречи» с интеллектом — с проблемой развития эмоций и возникновения высших чувств. Повидимому, именно здесь он искал ключ к пониманию тех особых системных образований, того **высшего психического синтеза**, который, как он писал, «с **полным основанием должен быть назван личностью ребенка**» [9, с. 60, 291—292]. (Выделено нами. — Н.Т.).

Такое видение предмета психологии, динамики развития соответствующих представлений у Выготского делает для Л.И. Божович неоспоримой реальность собственно психологических образований, внутреннего мира. Она рассматривает психику как «реальность, присущую самому субъекту», разделяя тем самым идею субстанциональности психического. Именно боязнь «субстанционального понимания психики» приводит, по мнению Л.И. Божович, других исследователей к замене выявленного Л.С. Выготским предмета психологии на установку, деятельность, ориентировочную основу деятельности и т. п.

Заслугой Л.С. Выготского Л.И. Божович считала то, что именно ему «удалось наиболее адекватно реализовать в психологии положения диалектического и исторического материализма» [5, с. 290], преодолеть основную методологическую ошибку традиционной психологии — разрыв между биологическим и историческим ходом психического развития. А свой научный вклад Л.И. Божович видела в распространении идей Л.С. Выготского о развитии высших психических функций на аффективно-потребностную сферу и личность в целом.

По мнению Л.И. Божович, путь к исследованию проблемы развития личности, включая экспериментальное ее изучение, открывало учение Л.С. Выготского о психологических системах —

* Л.И. Божович не дожила до дня открытия конференции, которая состоялась спустя несколько месяцев после ее смерти, в декабре 1981 г. Позднее доклад «О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности» был напечатан в журнале «Вопросы психологии» (1988, № 5), а затем и в сборнике ее работ [5].

возникающих в результате качественных изменений в структуре отдельных психических функций, их связей и отношений, новых интерфункциональных структур. Под ее руководством был осуществлен целый ряд эмпирических исследований «тех психических систем, которые Выготский считал стоящими в особом отношении к личности и распад которых связывал с ее распадом» [5, с. 299]. Таковыми для Л.И. Божович были высшие формы мотивации, намерения, высшие чувства, идеалы, эмпатия, некоторые качества личности, воля.

Так Л.И. Божович сама представляет методологическую канву и общетеоретические основания своей концепции в последней, итоговой своей работе. Однако, по нашему мнению, реальный контекст ее исследований был значительно шире. Оригинальность ее творческих поисков и успешность находок были бы невозможны, если бы не энциклопедическая образованность, восприимчивость к идеям других исследователей, умение удерживать в сознании их полифоническое звучание, с одной стороны, и невероятную внутреннюю свободу — с другой.

Философские основания подхода Л.И. Божович к личности включали, кроме исторического и диалектического материализма, воспринятых сквозь призму культурно-исторической теории, и другие источники, главным из которых был, несомненно, экзистенциализм. Лидия Ильинична была знакома не только с работами Ж.П. Сартра, М. Хайдеггера и др. Не меньшее, а, насколько можно судить, даже большее значение для развития ее собственной теории личности имели художественные произведения А. Камю, Ф. Кафки, фильмы И. Бергмана и других западных режиссеров, фильмы которых сегодня были бы отнесены к категории «кино не для всех». В те годы, о которых мы говорим, это и вовсе было кино для единиц. Сын Лидии Ильиничны — известный киновед Виктор Ильич Божович — специализировался тогда по западному кинематографу и частенько приглашал ее на закрытые просмотры. За ними непременно следовали горячие обсуждения увиденного в стенах лаборатории. Причем помимо эстетической стороны кинопроизведения объектом внимания всегда становилась и его психологическая, философская, мировоззренческая подоплека. Возможно, именно под определяющим влиянием экзистенциализма разрабатывалась Лидией Ильиничной идея **свободы воли**, которая стала центральной в последние годы ее жизни, а подспудно присутствовала и раньше.

Этот широкий мировоззренческий контекст постоянно звучит в ее работах, хотя она была противником прямого переноса философских положений в психологию. На этом во многом была основана, например, ее критика теории личности С.Л. Рубинштейна и близких к ней по духу промарксистских подходов, в которых давались такие определения личности: «личность — это человек как носитель сознания», «личность есть совокупность всех общественных отношений».

Чрезвычайно важной для Л.И. Божович была также связь психологии и физиологии. Постоянные обращения к работам И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Г.Л. Розенгарт-Пупко, Н.М. Щелованова и других отнюдь не были для нее данью установке Павловской сессии. Они были принципиально важны для понимания процесса развития высших психических функций из низших, «натуральных». Для Л.И. Божович было невозможно преодолевать пропасть между биологической и исторической линиями развития человека путем простого вычеркивания первой, как, по сути, это было сделано некоторыми другими учениками и последователями Л.С. Выготского.

Продуктивным для концепции Л.И. Божович оказалось также обращение к работам З. Фрейда. В 50–60-е гг. XX в. общепринятое отношение к фрейдизму было резко отрицательным: отец психоанализа уже давно перестал быть материалистически думающим психологом (как это считалось в первые послереволюционные годы), а превратился в ярого «пансексуалиста», глубоко чуждого отечественной психологии. Л.И. Божович также относилась к работам З. Фрейда весьма критически. Однако ее критика психоанализа, представленная наиболее подробно в монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте» [4], была не огульной, а конструктивной. В ней, в частности, содержатся и сегодня интересные рассуждения о соотношении психоаналитической теории и практики, анализ возможных причин успешности этой практики. Отечественная психология только в последние годы начинает очень робко подходить к обсуждению этих сложных проблем. Но Божович не только критиковала Фрейда, но открыто писала о том, что для нее лично несомненно важно в его концепции: «Главной заслугой Фрейда... является стремление раскрыть динамику побудительных сил человеческого поведения, их взаимозависимостей, конфликтов. Очень важным является также обнаружение области бессознательных психических процессов и их влияния на поведение» [4, с. 69]. Л.И. Божович справедливо замечает, что до З. Фрейда и независимо от него были известны многие данные, относящиеся к этой области, однако именно ему принадлежит заслуга систематической разработки всей суммы возникающих здесь вопросов и, что особенно важно, попытки с помощью выявленных с определенных позиций закономерностей понять повседневные переживания людей.

Можно без преувеличения сказать, что подобный научный подход (провести четкое исследование, выявить психологическую закономерность, на этой основе научиться понимать живую, «интересную психологию» людей), равно как и вошедший в предмет исследования пласт побуждений (включая бессознательные), являются важными характеристиками концепции Л.И. Божович, ее вклада в развитие отечественной психологии.

Большое значение имело для Л.И. Божович и знакомство с трудами Г. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Г. Салливена, Е. Фромма, работами представи-

телей гуманистической психологии, в частности К. Роджерса, и ряда других направлений (можно вспомнить, к примеру, интереснейшие совместные исследования, которые велись — в режиме диалога — совместно с американским психологом Ю. Бронфенбреннером). Не останавливаясь на этом вопросе детально, отметим, что наибольший интерес, породивший целую серию исследований, проведенных в лаборатории Лидии Ильиничны, вызвала проблематика, связанная с развитием Я-концепции (становление самосознания, самооценки, соотношение Я-реального и Я-идеального, социальные ожидания), иными словами, все то, что сегодня принято относить к указанной области психологии личности. Отметим, что исследования, о которых идет речь, никогда не были прямым заимствованием; обычно они лишь «инспирировались» интересными работами других авторов. Замысел же, методика, процедура, а главное, смысл полученных в исследовании Л.И. Божович и ее сотрудников фактов зачастую были довольно далеки от первоначального «возбудителя интереса».

Если говорить о самой школе экспериментирования, культуры проведения психологического эксперимента и даже самого «вкуса», азарта экспериментирования в области психологии личности, то здесь, конечно же, как теперь сказали бы, «культовой» фигурой был Курт Левин. Его эксперименты и эксперименты его сотрудников (Б.В. Зейгарник, А. Карстен, Ф. Хоппе и др.) очень часто являлись основой для создания методических подходов к решению тех или иных проблем.

Вся эта полифония, все многообразие эмпирических исследований, проводимых Л.И. Божович, было посвящено поиску ответа на вопрос, как, посредством каких психологических механизмов протекает процесс психического развития ребенка. Но при этом в центре внимания было развитие личности, понимаемое как достижение (а в период кризисов — и завоевание) свободы.

Как же возможна свобода? Как возможно внутренне свободное поведение человека? Как возможен сознательный выбор? Как возможен поступок? Как возможна свобода воли, независимость поведения, поступков человека от давления внешних и внутренних стимулов, их «подвластность» сознательному выбору?

С моей точки зрения, Л.И. Божович предложила три ответа на этот главный (хотя впрямую и не формулируемый) для нее вопрос. Они не противоречат друг другу, а последовательно сменяют один другого во времени, что позволяет проследить за развитием мысли автора.

Первый ответ дан в монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте» [4]: активность (в противовес реактивности) поведения, характеризующая личностный уровень психического развития, становится возможной тогда, когда у человека оказывается сформированной **структура личности**. Именно так Л.И. Божович понимает здесь тот «высший синтез», о котором говорил

Л.С. Выготский. Целая серия эмпирических исследований, описанных в этой монографии, привела к следующему выводу: какое бы личностное образование ни взять, будь то качество личности, «моральная инстанция», идеал, самооценка или что-либо еще, оно всегда определяется — и в процессе своего формирования, и в процессе функционирования — соответствующим мотивом, своей аффективной составляющей.

В этой логике структура личности представляется в виде складывающейся в онтогенезе иерархии мотивов (мотивационной иерархии), стержнем которой является находящийся на вершине этой иерархии мотив, который определяет направленность личности. «...Целостная структура личности, — пишет Л.И. Божович, — определяется, прежде всего, ее направленностью. В основе направленности личности, согласно нашей точке зрения, лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает высшую устойчивость личности» [4, с. 422]. Так формулируется едва ли не основной вывод того этапа исследования, который отражен в монографии. Обратим внимание на наличие в нем, помимо таких центральных понятий, как «структура личности» и «иерархическая система мотивов», не менее важных в данном контексте понятий «направленность личности» и «устойчивость личности». Правильно будет сказать, употребляя старое олпортовское, но модное сегодня выражение, что именно обретение субъектом такой диспозиции, диспозиционной переменной, как направленность, придает устойчивость как структуре личности, так и ее поведению, делая его относительно независимым от ситуационных влияний.

Перед нами, таким образом, вариант классической **«структурной модели»** личности. В каком-то смысле несомненно, что именно наличие организованной структуры обеспечивает устойчивость и относительную ситуационную независимость существования объекта, особенно в живой природе.

Приведем в этой связи созвучные, по нашему мнению, мысли И.М. Фейгенберга: «Неживая природа, предоставленная самой себе, движется в сторону наименее организованной структуры — в сторону возрастания энтропии. Понятие энтропии было введено Р. Клаузиусом (1865) для характеристики процессов превращения энергии... Энтропия стала количественной мерой неопределенности, дезорганизованности системы... Бернштейн в физиологии активности рассматривает живые существа как негэнтропийные системы, стремящиеся к минимизации энтропии, т. е. к максимальной организованности» [14, с. 150].

И.М. Фейгенберг распространяет эти суждения Н.А. Бернштейна на объяснение человеческого, личностного уровня поведения субъекта,

при этом не только содержательно, но и текстуально почти дословно совпадая с Л.И. Божович: «Если классическая биология рассматривала эволюцию как процесс, в котором выживают организмы, лучше приспособившиеся к окружающей среде, то согласно бернштейновской физиологии активности выживают организмы, лучше преодолевающие сопротивление среды в активном стремлении к достижению своих целей, к удовлетворению своих потребностей. Для человека, мне кажется, это перерастает в этические проблемы: **не приспособиться к условиям среды, а активно преодолеть ее сопротивление и преобразовать ее соответственно своим идеалам**, своей «модели потребного будущего». Уравновешиванию со средой было противопоставлено активное преодоление сопротивления среды» [там же, с. 151]. (Выделено нами. — *Н.Т.*).

Представление о структуре личности далее развивается Л.И. Божович в контексте изучения проблемы так называемой гармонической личности. В противовес распространенному в то время мнению о синонимичности выражений «гармоническая» и «всесторонне развитая» личность Л.И. Божович предлагает свое объяснение феномену гармонической личности, исходя именно из структурного строения личности, включающем как сознательные, так и бессознательные психологические образования, соотношение которых и определяет гармоничность или дисгармоничность человеческой личности.

Критическое значение имеет при этом содержательный характер направленности личности: «Люди с дисгармонической организацией личности — это не просто индивиды с направленностью «на себя». Это люди с двойной направленностью, находящиеся в конфликте с собой, люди с расщепленной личностью, у которых сознательная психическая жизнь и жизнь неосознанных аффектов находится в постоянном противоречии. Иначе говоря, это люди как бы «расколотые» внутри себя. Недаром Ф.М. Достоевский дал персонажу именно с такой личностью фамилию Раскольников» [6, с. 260–261].

Таким образом, гармоничность или дисгармоничность личности обусловлена соотношением иерархий осознаваемых и неосознаваемых мотивов с соответствующими доминирующими мотивами, т. е. структурными особенностями личности. Контекст цитируемой статьи не вызывает сомнения в том, что действительно свободной оказывается, конечно, именно гармоническая, внутренне согласованная личность. И эту согласованность обуславливает, что важно, вполне определенное содержание доминирующей мотивации, которая соответствует не только сознательным установкам, идеалам человека, но и приоритетным общественным (сегодня точнее было бы сказать гуманистическим или даже

общечеловеческим), в данном случае — альтруистическим ценностям.

Л.И. Божович приходит, таким образом, к парадоксальной мысли о том, что эгоист не может быть внутренне свободным, в отличие от человека, живущего интересами других людей. К таким идеям разными путями приходили и другие психологи.

В свое время сотрудница лаборатории Л.И. Божович Т.А. Флоренская показала созвучие этих идей тем выводам, к которым пришли некоторые ученые, принадлежавшие к разным психологическим школам и направлениям, в частности, Н.Г. Норакизде (узнадзовская школа психологии установки) и К. Хорни (неофрейдизм) [15].

Приведем в этой связи и выводы В.Н. Мясищев, к которым он пришел, размышляя о разных уровнях развития личности в контексте своих представлений о личности как системе отношений. «Низшему уровню соответствует примитивный витальный, ситуативно обусловленный характер отношений-влечений, среднему уровню соответствует преобладание отношений конкретно-личного характера, личной симпатии, антипатии, непосредственного утилитарного интереса или расчета. Высшему уровню соответствует преобладание идейных отношений-убеждений, сознания долга, общественно-коллективистических мотивов» [12, с. 28]. Таким образом, можно сказать, что, по Мясищеву, люди, ориентированные в жизни на свои интересы и интересы других людей, — это не просто люди с разной направленностью личности и, вероятно, с разной структурой, это люди разного уровня развития и разно, следовательно, удаленные от примитивного, ситуативно обусловленного характера мотивации поведения. А можно, наверное, сказать и так: они обладают разной степенью внутренней свободы, и именно эту степень можно рассматривать как критерий уровня личностного развития.

Но самое для меня любопытное состоит в том, что о важности учета интересов других людей знают, как-то догадываются даже те, кто, используя новейшие психологические технологии, в частности НЛП и т. п., учат людей добиваться сугубо эгоистических целей — стать первым, стать очень богатым, уметь завоевывать максимальную власть и т. п. [см., напр.: 3, 13, 16]. Все они специально отмечают необходимость соблюдения «экологической чистоты» тех целей, которых человек хочет добиться: ничего хорошего не получается, если твои цели оказываются в явном противоречии с интересами других людей, человеческого сообщества в целом.

Второй ответ дается в более позднем (1978–1979) цикле статей «Этапы формирования личности в онтогенезе» [7]. Здесь Л.И. Божович как будто бы теряет всякий интерес к проблематике, связанной с идеей направленности и, шире, структуры личности, определяемой иерархиями мотивов. В этой работе,

* В первую очередь в исследованиях М.С. Неймарк, Л.С. Славиной, Т.А. Флоренской, В.Э. Чудновского.

как известно, прослеживаются этапы развития личности ребенка через фиксацию тех, принципиально важных с точки зрения именно этого процесса, новообразований, которые обнаруживаются в периоды открытых Л.С. Выготским возрастных кризисов — одного, трех, семи и тринадцати лет.

Центром, объединяющим эти новообразования, оказывается сознание (заметим, не направленность). Но сознание в том значении, которое ему придавал в последние годы своей жизни Л.С. Выготский, включая в его структуру и аффективный компонент, на что Л.И. Божович специально указывает, отмечая смену Выготским термина «системное строение сознания» на «смысловое и системное» строение сознания [7, с. 195]. И именно в этом смысле развитие личности понимается Л.И. Божович как движение так понимаемого сознания. Важнейшим моментом этого движения становится все возрастающая роль «познания и осознания субъектом самого себя как некоторого единого целого, способного и стремящегося к активному самовыражению» [там же, с. 243].

Что же касается новообразований, выделяемых Л.И. Божович в качестве центральных для каждого из кризисных периодов, смею высказать предположение, что их, скорее, следует рассматривать не как элементы некоторой структуры, а как **феномены**, знаки, свидетельствующие об обретении всей целостной, сложной функциональной системой — человеческой психикой — **новой степенью свободы**.

Несмотря на то, что Л.И. Божович заявляет о намерении выявить механизмы формирования соответствующих новообразований, получается, скорее, лишь описание сопутствующих, хотя и несомненно существенных, линий развития (развитие познавательной активности, понятийного мышления и т. п.). А кое-где Л.И. Божович прямо пишет о невозможности на современном уровне знаний выявить эти механизмы. Например, обсуждая переход в период кризиса 3 лет к осознанию ребенком себя как субъекта действия, она прямо пишет: «Трудно без специальных исследований понять психологический механизм перехода от собственного имени к местоимению Я, т. е. механизм перехода от самопознания к самосознанию» [там же, с. 207]. В то же время ею дается глубокий и тонкий анализ социальной ситуации развития ребенка, системы его взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, характера поведения ребенка в различных ситуациях и т. д.

Но даже само выделение новообразований и описание проявлений на каждом этапе новой степени свободы, которая, по существу, и манифестируется в специфическом поведении ребенка в периоды возрастных кризисов, — интереснейшая страница в истории психологического изучения развития детской личности.

Уже первое из выделяемых Л.И. Божович новообразований, проявляющееся в период кризиса одного года, — **«мотивирующее представление»**, которое в явном виде являет собой «единство аффекта и интеллекта», знаменует новую степень свободы

маленького человека. Возникновение мотивирующих представлений дает ребенку возможность действовать не только в ответ на внешние ситуационные стимулы (как это было на предшествующем этапе его жизни — в младенчестве), а ориентируясь на свое собственное, независимое от ситуации представление, образ предмета или события. В этот возрастной период, по Л.С. Выготскому, ведущую роль в психическом развитии начинает играть функция памяти, сменяя важнейшую на предшествовавшем этапе функцию восприятия. Мотивирующее представление — это память о прошлом, но оно же и бросок в будущее, потому что оно — не просто некоторое воспоминание, знание, а именно мотивирующее представление, «образ потребного будущего». Можно было бы сказать, что появление мотивирующих представлений меняет пространственные и временные параметры поведения ребенка, расширяя и перестраивая его хронотоп.

Процитируем в этой связи И.М. Фейгенберга: «Память организована так, что дает возможность на основе сведений о прошлом прогнозировать с некоторой вероятностью предстоящее и заранее готовиться к действиям, адекватным ожидаемому будущему. В этой направленности памяти в будущее (не в прошлое!), видимо, и заключается важнейшее биологическое значение функции памяти». [14, с. 152]. Но только у Л.И. Божович мотивирующие представления — это не просто полезные сведения о возможном будущем, а сама мотивирующая цель.

Сам удачный термин «мотивирующее представление» был найден не сразу, он еще отсутствовал в монографии 1968 г. и появился лишь спустя 10 лет в «Этапах формирования личности в онтогенезе», хотя в упомянутой монографии уже был описан этот важный этап в развитии личности, когда появляется внутренний план действия. «Внешняя среда хотя и в почти переработанном виде, но все же оказалась перенесенной во внутренний план, план сознания ребенка и тем самым получила возможность иначе, изнутри определять его поведение. Это, несомненно, факт принципиального значения, так как он составляет поворотный пункт в развитии детских потребностей и в характере взаимоотношений ребенка с окружающей его действительностью. Сущность произошедшего здесь скачка заключается в том, что *потребности ребенка стали кристаллизываться не только в реальных внешних предметах, удовлетворяющих эти потребности, но и в образах, представлениях, а затем* (в процессе дальнейшего развития мышления и речи) *и в понятиях ребенка»* [4, с. 233].

В период кризиса одного года с появлением мотивирующих представлений, по Божович, ребенок реально **становится субъектом** собственных действий. В период кризиса 3 лет он впервые **осознает себя субъектом** этих действий, что проявляется в возникновении местоимения «я» и во всём, свойственном этому периоду, поведении, ёмко обозначаемом характерным для детей этого возраста выраже-

нием «Я сам». Новообразованием кризиса 3 лет называется, таким образом, *система я*.

Л.И. Божович подчеркивает, что осознание себя субъектом собственных действий неразрывно связано с ярким эмоциональным переживанием. У нормального ребенка из нормальной семьи это переживание в высшей степени положительно (даже если ребенок заявляет, что это он сам разбил любимую мамину вазу или сделал что-то еще, не одобряемое окружающими). Позже, в работах других авторов, было показано, что у ребенка-сироты, воспитывающегося в детском учреждении, осознание себя часто сопровождается не положительными, а отрицательными эмоциями, что является и знаком неблагополучия, и тормозом в развитии сознания, самосознания, личности [см., напр.: 1, 2].

Собственные наблюдения за маленькими детьми, анализ дневниковых записей Н.А. Менчинской, В.С. Мухиной приводят Л.И. Божович к предположению о том, что «может быть, осознание себя как субъекта, будучи подготовленным всем ходом предшествующего психологического развития, действительно, завязывается в «систему я» путем открытия» [7, с. 208]. При этом аффективное выделение себя («аффективное самосознание») возникает даже раньше, чем рациональное. И самооценка, которая отчетливо проявляется у ребенка уже к концу второго года жизни, также первоначально носит не рациональный, а аффективный характер. «По-видимому, — пишет Л.И. Божович, — в первичной самооценке почти полностью отсутствует рациональный компонент, она возникает на почве желания ребенка получить одобрение взрослого и таким образом сохранить эмоциональное благополучие» [там же, с. 210]. В подтверждение этого она приводит яркие примеры из тех же дневниковых записей.

Нельзя не отметить, что многочисленные наблюдения, которые представляются, несомненно, доказывающими то или иное положение, выдвигаемое Л.И. Божович, возможно, могли бы быть истолкованы и иначе или просто остаться забавными описаниями детского поведения. Их надо было увидеть в свете определенных идей. В своей статье Л.И. Божович, обсуждая те или иные экспериментально полученные данные, несколько раз делает сноску, в которых отмечает, что аналогичные факты были получены в других работах (выполненных, в частности, под руководством М.И. Лисиной), однако там они толкуются иначе.

Возникающая на границе раннего и дошкольного возрастов возможность осознания того, что ты можешь что-то делать или чего-то не делать просто потому, что этого хочешь или не хочешь, часто специально наперекор тому, чего от тебя ждут, о чем просят, к чему даже принуждают, — грандиозный шаг на пути к свободе воли. Здесь, по существу, у ребенка впервые возникает так или иначе осознаваемая проблема выбора — выбора между «хочу» и «надо». Вот как об этом пишет Л.И. Божович: «Наличие одновременно существующих сильных, но противополо-

жно направленных аффективных тенденций (делать согласно собственному желанию и соответствовать требованиям взрослых) создает у ребенка неизбежный внутренний конфликт и тем самым усложняет его внутреннюю психическую жизнь. Уже на этом этапе развития противоречие между «хочу» и «надо» ставит ребенка перед необходимостью выбора...» [там же, с. 210].

Пожалуй, самым загадочным, оставляющим много вопросов является новообразование, которое Л.И. Божович связывает с кризисом 7 лет. В этот период, по ее мнению, возникает так называемая «*внутренняя позиция*», первоначально формирующаяся как «внутренняя позиция школьника». (Термин, кстати, также найден достаточно поздно, он отсутствует в монографии 1968 г.) Внутренняя позиция рассматривается Л.И. Божович как некоторое структурное образование, которое образуется «в результате того, что внешние воздействия, преломляясь через структуру ранее сложившихся у ребенка психологических особенностей, как-то им обобщаются и складываются в особое центральное личностное новообразование, характеризующее личность ребенка в целом» [7, с. 215].

Внутренняя позиция школьника проявляется у ребенка в стремлении занять новое положение в системе общественных отношений — положение школьника. Это оказывается возможным потому, что ребенок начинает осознавать себя не только как субъекта действия, но и как субъекта в системе человеческих отношений, у ребенка «появляется осознание своего социального Я» [там же].

Заметим, кстати, что и «первое рождение личности» (по А.Н. Леонтьеву), и возникновение этических инстанций (по Д.Б. Эльконину) фиксируются авторами примерно в это же время. Многие другие авторы также так или иначе ассоциируют именно с периодом дошкольного детства «первоначальный, фактический, склад личности» (А.Н. Леонтьев).

Внутренняя позиция школьника, когда она проявляется в специфическом «кризисном» поведении старшего дошкольника в форме выраженного стремления быстрее стать школьником, можно также рассматривать как своеобразный выход за пределы актуальной ситуации и в пространстве «человеческих отношений», и во времени. Но, в отличие от более ранних этапов развития, здесь этот «выход за пределы» связан уже не с отдельными желаниями, а с целостным «я» субъекта. «Здесь впервые, — пишет Л.И. Божович, — происходит осознаваемое самим ребенком расхождение между его объективным общественным положением и его внутренней позицией» [7, с. 217].

В еще более явном виде отрыв во внутреннем плане от актуальной ситуации жизнедеятельности, стремление занять иную, более «взрослую» позицию происходит в период подросткового кризиса, что Л.И. Божович вслед за Л.С. Выготским связывает с развитием самосознания как способности направлять сознание на свои собственные психические про-

цессы и возникновением жизненного плана. Ключевым личностным новообразованием подросткового периода Л.И. Божович называет **«самоопределение»**, которое формируется во второй фазе подросткового возраста (16–17 лет), связывая его с необходимостью подростка так или иначе решать проблему своего будущего.

Л.И. Божович так завершает свой цикл статей «Этапы формирования личности в онтогенезе»: «Все схематически изложенные здесь этапы формирования личности ребенка свидетельствуют о том, что, чем выше уровень развития личности, тем **более свободным** (курсив мой. — Н.Т.) он становится и что формирование личности осуществляется не в условиях приспособления субъекта к требованиям окружающей среды, а в условиях его постоянной творческой активности, направленной на перестройку и окружающей его среды, и самого себя» [7, с. 244].

Наконец, **третий ответ**. Совсем коротко его можно сформулировать так: психологическим механизмом свободы является **воля**. В последние годы своей жизни Л.И. Божович готовила книгу о развитии воли, но завершить ее не успела. Однако мысли о том, что представляет собой воля на разных этапах онтогенеза, как происходит ее развитие, какую роль играет этот процесс в общем ходе становления личности, встречаются в ее работах повсеместно, и с уверенностью можно сказать, что в последний период творчества Л.И. Божович они ее в высшей степени интересовали.

Представляется любопытным, что в очередной раз давая определение личностному уровню развития человека [7], Л.И. Божович связывает его не с формированием структуры, а с возникновением некоторой **способности**: «В качестве основной черты этого развития мы отмечали возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями. Возникновение такой способности обуславливает активный, а не реактивный характер поведения человека и делает его не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними и над самим собой» [7, с. 195].

Возникновение способности к свободному поведению Л.И. Божович здесь напрямую связывает с развитием «той функциональной системы, которую в психологии принято называть волей» [там же, с. 195].

В итоге (буквально в последнем из написанных ею текстов — уже упоминавшемся докладе 1981 г., посвященном памяти Л.С. Выготского) Л.И. Божович приходит к выводу, что воля — это не особая психическая функция, а волевая структура человеческой личности [5, с. 296]. (Хотя, по моему мнению, термин функциональная система по смыслу сказанного — точнее, чем структура.) Эта мысль у Л.И. Божович встречается неоднократно и в разных формулировках. Наиболее точной, на мой взгляд, является следующая: «...Формирование личности не может характеризоваться незави-

мым развитием какой-либо одной ее стороны — рациональной, волевой или эмоциональной. Личность — это действительно высшая интегративная система, некоторая нерасторжимая целостность» [7, с. 198–198].

Таким образом, можно сказать, что место первоначальной «структурной» идеи, связанной с понятием направленности личности, на последнем этапе творчества занимает у Л.И. Божович «холистская» идея «нерасторжимой целостности», функционального образования, позволяющего человеку быть свободным в своих поступках. Но эта идея целостности, взятая исходно почти как аксиоматическая, как девиз, как завет Л.С. Выготского (высший синтез), только спустя годы становится научным выводом из скрупулезного научного и прежде всего экспериментального анализа многих элементов, которые мы уже упоминали (высшие формы мотивации, намерения, высшие эмоции, идеалы и т. п.). В конкретных исследованиях прослеживается, как все эти элементы проходят процесс культурного развития от некоторых натуральных психических функций, через опосредование социально приобретаемым опытом, к формированию «особых психологических новообразований», которые Л.И. Божович вслед за Л.С. Выготским связывает с развитием личности. Специфика этих образований — в неразрывной связи в них аффекта и интеллекта. Именно эта связь обеспечивает то, что «в отличие от более простых психологических структур, требующих для своего функционирования побудительной силы извне, этим новообразованиям присуща их собственная побудительная сила» [5, с. 295].

В различных работах Л.И. Божович описывает, если можно так выразиться, разные виды воли, которые можно рассматривать как разные этапы ее развития.

Применительно к первому этапу (младенческий и ранний возраст) Л.И. Божович, пользуясь термином Э. Кречмера, говорит о **гипобулическом** этапе развития воли. Волевое поведение осуществляется здесь силой «натуральной» потребности, непосредственно побуждающей ребенка преодолевать те препятствия, которые встречаются на пути ее удовлетворения. Действие осуществляется по ситуативно наиболее сильному мотиву, а препятствия могут быть только внешними.

Детей старшего дошкольного возраста характеризует то, что Л.И. Божович назвала **«непроизвольной произвольностью»**, которая позволяет детям преодолевать свои желания и действовать по нравственному мотиву «надо». Это, однако, «возможно не потому, что в этом возрасте дети могут сознательно управлять своим поведением, а потому, что их нравственные чувства обладают большей побудительной силой, чем другие мотивы. Это и позволяет им побеждать конкурирующие с ними мотивы в стихийной, не управляемой самим ребенком схватке» [7, с. 222]. Можно в этом контексте сказать, что возникающий в дошкольном детстве конфликт между

«хочу» и «надо», по сути, является конфликтом между двумя «хочу». И в этом смысле поведение ребенка-дошкольника может быть соотнесено с поведением воспитанной собаки, у которой желание выполнить команду хозяина «Ко мне!» сильнее «натурального» желания перебежать дорогу и подражаться с другой собакой.

В младшем школьном возрасте развивается собственно **волевое поведение**, способность осуществлять классический волевой акт. В статье «Опыт экспериментального изучения произвольного поведения» (1976), написанной Л.И. Божович совместно с Т.В. Ендовицкой и Л.С. Славиной, авторы дают развернутую картину того, как, при каких условиях возможна в этом возрасте реализующаяся в поведении победа ценного для ребенка, но имеющего меньшую побудительную силу мотива над непосредственно более сильным. На этом этапе в условиях борьбы одинаково сильных, но разнонаправленных аффективных тенденций человек (не обязательно младший школьник, а просто достигший такого уровня развития) прибегает к внутреннему, интеллектуальному плану действия: взвешивает, оценивает, представляет себе последствия того или иного своего поступка, в результате чего более ценный, хотя и более слабый, мотив приобретает необходимую побудительную силу. Здесь волевое поведение осуществляется через сознательную регуляцию мотивационной сферы.

Высшим же уровнем развития воли является то, что Л.И. Божович называла **постпроизвольностью**, имея в виду такой уровень развития воли, когда для осуществления задуманного не требуется борьбы мотивов, самопринуждения и т. п. типичных атрибутов волевого поведения в обычном словоупотреблении понятия «воля». В одной из работ она красиво назовет это проблемой рождения иде-

альных побуждений. Постпроизвольность — это и есть признак высшего уровня личностного развития. Она возможна при гармонической структуре личности, при достижении высокого уровня (в том числе нравственного) развития идеалов, высших чувств и т. п. Только при этих условиях свободно избранное действие оказывается легким делом. Принял решение — и ничто во внутреннем плане не мешает его реализовать.

Предложенный Л.И. Божович анализ этапов развития личности можно схематично представить в виде таблицы.

В.П. Зинченко в свое время в примечаниях к работам А.В. Запорожца обратил внимание на любопытное замечание Александра Владимировича: «Обычно люди сетуют, что разумные намерения и решения не реализуются вследствие того, что подавляются аффектом. Однако при этом забывают о том, что при чрезвычайной подвижности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, автоматически побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно следующее: прежде чем приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого требования для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов» [10, с. 297].

Л.И. Божович показала в своих работах и в работах своих сотрудников, какой путь должен пройти человек, чтобы достичь такого уровня развития, который позволил бы ему степени свободы своего интеллекта сделать соотносимыми со степенями свободы своих действий, поступков. Для нее это значило — стать личностью.

Возрастная динамика становления психологических феноменов, связанных с появлением новых степеней внутренней свободы личности

Кризис	Психологическое новообразование	Субъектность	Воля
Кризис 1 года	Мотивирующее представление	Превращение ребенка в субъекта собственных действий	Гипобулическая воля
Кризис 3 лет	Система я	Осознание себя субъектом своих действий	Непроизвольная произвольность
Кризис 7 лет	Внутренняя позиция	Осознание себя субъектом в системе человеческих отношений	Воля в классическом понимании, включающая сознательный выбор, формирование и осуществление намерения
Кризис 13 лет	Самосознание	Самосознание, жизненная перспектива	Возможность постпроизвольности

Примечание. Л.И. Божович понятием «субъектность» не пользовалась. Наверное, здесь можно было бы применить термины «сознание» (в ее понимании) или «система я», однако, по моему мнению, в современном словоупотреблении термин «субъектность» в данном контексте точнее.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Становление образа себя у детей первых трех лет жизни // Вопросы психологии. 1996. № 4.
2. *Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А.* Развитие образа себя и привязанности у детей от рождения до трех лет в семье и в доме ребенка. М., 2003.
3. *Альдер Х.* НЛП: наука и искусство достижения совершенства. Минск, 1998.
4. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
5. *Божович Л.И.* О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значение для современных исследований психологии личности // Проблемы формирования личности. М.; Воронеж, 1995.
6. *Божович Л.И.* Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности // Проблемы формирования личности. М.; Воронеж, 1995.
7. *Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М.: Воронеж, 1995.
8. Вопросы психологии личности школьника / Под ред. Л.И. Божович. М., 1961.
9. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
10. *Зинченко В.П.* Комментарии // А.В. Запорожец. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
11. *Зинченко В.П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания) М., 2000.
12. *Мясищев В.Н., Лебединский М.С.* Введение в медицинскую психологию. Л., 1966.
13. *Роббинс Э.* Советы друга: 11 уроков по достижению успеха. Минск, 2003.
14. *Фейгенберг И.М.* Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. М., 2004.
15. *Флоренская Т.А.* Исследование одного типа личности в различных психологических концепциях // Новые исследования в психологии. 1974. № 2.
16. *Robbins A.* Unlimited Power. N.Y., 1986.

The Possibility of Freedom

N.N. Tolstyk

Ph.D. in Psychology, senior researcher, leading researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The article critically analyses the concept of personality formation developed by L.I. Bozhovich. The process of personality development in ontogenesis is regarded as a gradual increase in the degree of one's inner freedom. Analysing L.I. Bozhovich's works enables the author to trace the developmental logic of Bozhovich's concepts, revealing three different (though not contradictory) answers to the question: how is inner freedom possible? The phases and mechanisms of personality development in ontogenesis as explored by L.I. Bozhovich are discussed as well.

Key words: personality development, developmental crises, new formations, personality structure, orientation, will, activity/reactivity of behaviour.

References

1. *Avdeeva N.N.* Stanovlenie obraza sebya u detei pervykh trekh let zhizni // Voprosy psikhologii. 1996. № 4.
2. *Avdeeva N.N., Haimovskaya N.A.* Razvitie obraza sebya i privyazannosti u detei ot rozhdeniya do trekh let v sem'e i v dome rebenka. M., 2003.
3. *Al'der H.* NLP: nauka i iskusstvo dostizheniya sovershenstva. Minsk, 1998.
4. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M., 1968.
5. *Bozhovich L.I.* O kul'turno-istoricheskoi koncepcii L.S. Vygot'skogo i ee znachenii dlya sovremennykh issledovaniy psikhologii lichnosti // Problemy formirovaniya lichnosti. M.; Voronezh, 1995.
6. *Bozhovich L.I.* Psihologicheskii analiz uslovii formirovaniya i stroeniya garmonicheskoi lichnosti // Problemy formirovaniya lichnosti. M.; Voronezh, 1995.
7. *Bozhovich L.I.* Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze // Problemy formirovaniya lichnosti. M.; Voronezh, 1995.
8. Voprosy psikhologii lichnosti shkol'nika / Pod red. L.I. Bozhovich. M., 1961.
9. *Vygotskii L.S.* Razvitie vysshikh psicheskikh funkciy. M., 1960.
10. *Zinchenko V.P.* Kommentarii // A.V. Zaporozhec. Izbrannyye psikhologicheskie trudy: V 2 t. T. 1. M., 1986.
11. *Zinchenko V.P.* Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashenie iz izgnaniya). M., 2000.
12. *Myasishev V.N., Lebedinskii M.S.* Vvedenie v medicinskuyu psikhologiyu. L., 1966.
13. *Robbins E.* Sovety druga: 11 urokov po dostizheniyu uspeha. Minsk, 2003.
14. *Feigenberg I.M.* Nikolai Bernshtein: ot refleksa k modeli budushego. M., 2004.
15. *Florenskaya T.A.* Issledovanie odnogo tipa lichnosti v razlichnykh psikhologicheskikh koncepciyah // Novyye issledovaniya v psikhologii. 1974. № 2.
16. *Robbins A.* Unlimited Power. N.Y., 1986.